

УДК 821.161.1.09-3+929Солженицын

Финалы в структуре «Марта Семнадцатого» А. И. Солженицына

А. И. Ванюков

Ванюков Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ai_vanyukov@mail.ru

В статье рассматриваются место, роль, функции, формы финалов в структуре «Марта Семнадцатого» А. И. Солженицына на уровнях финалов глав, финалов дней, финалов книг и финала Узла, что помогает глубже представить и понять авторскую концепцию третьего Узла «Красного Колеса».

Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Март Семнадцатого», финалы, структура повествования.

**Final Scenes in the Structure of *March 1917*
by A. I. Solzhenitsyn**

A. I. Vanyukov

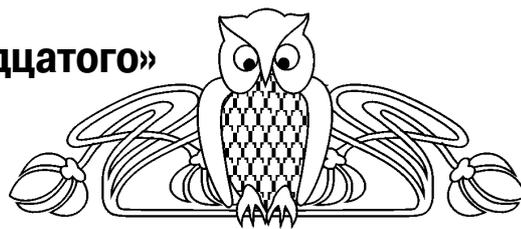
Alexandr I. Vanyukov, <http://orcid.org/0000-0002-7140-4542>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ai_vanyukov@mail.ru

The article considers the place, role, functions, forms of final scenes in the structure of the novel *March 1917* by A. I. Solzhenitsyn on the level of the chapter final scenes, ends of days, book closings and the final of the Node, which helps to imagine more intensely and to comprehend the author's concept of the third Node of the *Red Wheel*.
Keywords: A. I. Solzhenitsyn, *March 1917*, final scenes, narration structure.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-222-228>

«Март Семнадцатого» – Узел III «повествования в отмеренных сроках» «Красное Колесо» А. И. Солженицына – раскрывает историческое действие Русской революции с 23 февраля по 18 марта старого стиля 1917 г. и состоит из четырёх книг, включающих 655 глав. Грандиозная эпическая структура «Марта Семнадцатого», самого масштабного, крупного «Узла» солженицынской эпопеи, всё ещё нуждается в пристальном внимании и современном понимании как художественное целое, в единстве историко-философских и композиционно-архитектонических аспектов авторской концепции.

Остановлюсь только на одном, значимом вопросе композиционной поэтики «Марта Семнадцатого» как «повествования в отмеренных сроках»: роли и функциях финалов в структуре Узла. Прежде всего, следует отметить, что финал/финалы (ит. *finale*, от лат. *finis* – конец) как «заключительный, итоговый компонент литературного произведения, завершающий его композицию»¹,

конечная, последняя, заключительная сцена/глава/часть в художественном действии произведения естественно выступают в органической связке/единстве «начала и конца», дают некий «конечный» пункт/вид/ развития определённого действия/повествования и вместе с тем в последовательности складываются в целостную систему/вид/ансамбль, характеризующие строительное/архитектурное мастерство Автора.

В «Марте Семнадцатого» отчетливо выделяются финалы глав, финалы дней, финалы книг и финал «Узла», которые имеют свои ритмы, содержательные формы и смыслы.

Так, первая книга включает пять дней: «Двадцать третье февраля. Четверг» (8 глав), «Двадцать четвёртое февраля. Пятница» (14 глав), «Двадцать пятое февраля. Суббота» (20 глав), «Двадцать шестое февраля, воскресенье» (25 глав) и «Двадцать седьмое февраля. Понедельник» (103 главы)².

Первая глава первого дня «Двадцать третье февраля. Четверг» чётко фиксирует начало Третьего Узла «Марта Семнадцатого»: «В замкнутой тишине Царского Села Николай провёл шестьдесят шесть дней подле Аликс, своим присутствием смягчал ей безмерное горе потери. (К счастью, зимнее затишье на фронте позволяло такую отлучку из Ставки)» (1, 9). И вот «пора и в Ставку!», «пора ехать» (1, 14), и идёт «путевой покой»: «...очень славно было лежать в милом поезде подрагивании» (1, 16). И вот вершина финала первой главы: «А уже поздно вечером перечитал любимый прелестный английский рассказ о Голубом Мальчике. И, как всегда, выступили слёзы» (1, 16). 23 февраля завершает восьмая глава, повествующая о ночи Ольды и Воротынцева в Мустамяках: «И Ольде вдруг так просто уяснилось: вот именно он бы и был ей муж!» (1, 68)... «Он заснул счастливым бревном, оставив ей все задачи и все решения», а она «во сне его решала его будущее, даже безворотнее, чем сутки назад» (1, 69).

«Двадцать четвёртое февраля. Пятница» итожит 22-я глава, показывающая образ дня через восприятие большевика Шляпникова: «...полфевраля большевики звали рабочих на Невский – те не шли. И вдруг вот – сами поперли, незваные» (1, 124)... «И вдруг вчера – всё само! Здорово!» (1, 125)... «Но и что было делать нам? Как овладеть движением и как обойти остальных социал-демократов?» (1, 126)... «Ах, нет у Саньки Шляпникова ленинской головы! И – эх, нет рядом Сашеньки, разумницы!» (1, 126)... «И вот в сегодняшние дни

забрала его почему-то не радость, а, как Сашенька выражается: меланхолия» (1, 129).

В финале третьего дня «Двадцать пятое февраля. Суббота» – 42-я глава, показывающая ночное заседание Совета министров у князя Голицына, роковое бессилие последнего царского правительства: «Всего в правительстве состояло роковое число тринадцать» (1, 223), князь Голицын «вовсе, вовсе был лишен инстинкта власти» (1, 225)... «Министры негодовали, что военное командование ничего не знает» (1, 228)... «В этих двенадцати грудях оставался ли хоть кубик настоящей борьбы? / Оставался. В министре земледелия Риттихе» – «Вздор» (1, 229)... «Прервать Думу? А не лучше ли сговориться? Худой мир всегда лучше доброй ссоры» (1, 131)... «И как-нибудь договориться, чтобы выйти из положения. Тихо, мирно» (1, 232). Финальную точку главы и дня ставит всезнающий Автор: «Они ещё не знали, что в этот самый вечер городская дума постановила: “С этим правительством, обagrившим руки народной кровью...”» (1, 232) (см. главу 38 «Разгорячённое заседание городской думы» – 1, 209).

«Воскресенье, двадцать шестое февраля» идёт от «утренних фрагментов» 43-й главы, через «стрельбу на петроградских улицах» (главы 46, 47, 48), «гул котла» (глава 55), «Бунт павловцев» (глава 56), вечерних фрагментов Петрограда (глава 62) к «приказам на завтра» в лейб-гвардии Московском запасном батальоне (глава 65) и вернувшимся в казармы волынцам (глава 67). Герой этой финальной главы – фельдфебель Тимофей Кирпичников, решивший «завтра не идти стрелять» (1, 337) и организовавший командиров взводов и отделённых. И в последние ночные часы идёт разговор Кирпичникова с другом Мишей Марковым: «– Если к нам завтра другие части не присоединятся – ведь нас повесят. – Да-а. / – А всё ж лучше по-солдатски умереть, чем невинных бить? / – Да-а» (1, 339)... «– Эх, трудно начинать! Начинать-то, начинать всего трудней. / А кому-то надо» (1, 339). Автор завершает главу народной поговоркой: ДВА ГОРЯ ВМЕСТЕ, ТРЕТЬЕ ПОПОЛАМ³ (1, 339).

Пятый день первой книги содержит 103 главы, почти в два раза больше, чем первые четыре (67 + 36), показывает «разлив», «самодвижение» революционных событий, которые вполне укладываются в композиционный ритм: 8–14–20 – 25 /– 25–11. Вместе с тем в движении повествования отчётливо прослеживаются композиционно-содержательные линии, связанные с Кирпичниковым, волынцами, солдатским бунтом (начальная 68-я глава «Волынцы просыпаются – Выдали патроны», далее главы 70-я «Кирпичников обрекает себя и роту – Убийство Лашкевича», 74-я «Волынцы вырвались на улицу», 77-я «Солдатский бунт разливается по Кировной», 82-я «Покатилось само неразборно», 86-я «Прорыв расширяется», 100-я «Взятие Крестов – Кирпичников остался один», 115-я «Кирпичников возвращается – Растекаются

дальше», 140-я «Кирпичников возвращается в казарму»), Воротынцевым – вершинные главы дня (71-я «Воротынцев возвращается домой», 95-я «Воротынцев в пустой квартире – Письмо Алины», 126-я «Воротынцев ужинает у Калисы»), Государем, Николаем, царской фамилией (главы 94-я «Утро Государя – Загородная прогулка», 107-я «Государь после прогулки. Телеграмма – Шапка Мономаха», 137-я «Послать войска на Петроград – За императорским обедом», 148-я «Смятение государыни – Совет Родзянки», 148-я «Михаил телеграфирует Государю», 150-я «Государь в круговой осаде – Ехать в Царское Село немедленно!», 164-я «Решение Михаила Александровича», 170-я «Уход Михаила из Зимнего»).

170-я глава закономерно выступает финальной в «повести этого дня», она итожит все линии развития действий на всех уровнях: царской столичной власти (главы 73-я «Пробуждение Протопопова», 89-я «Бегство Протопопова из министерства», 92-я «Костенение Хабалова», 102-я «У Хабалова ни патронов, ни снарядов», 106-я «Генерал Занкевич принимает войска на Дворцовой», 114-я «Совет Министров мнётся в Мариинском дворце», 133-я «Штаб Хабалова к вечеру», 154-я «Хабаловский отряд в Адмиралтействе», 158-я «Хабаловский отряд переходит в Зимний дворец», 165-я «Хабаловский отряд в Зимнем дворце»); Государственной Думы, думцев (главы 84-я «Думское утро – Активность Керенского», 96-я «Душевные страдания Родзянки», 103-я «Частное совещание членов Думы в Полуциркулярном зале», 113-я «Создан Временный Комитет Государственной Думы», 139-я «Поездка Родзянко в Мариинский дворец», 156-я «В Думском комитете уламывают Родзянку взять власть», 159-я «Временный Комитет начинает жить», 166-я «Думцы ночуют в Таврическом») и зарождающейся внутри дня истории социалистической, советской (главы 120-я «Социалисты стягиваются в Думу – Зарождение Совета Рабочих Депутатов», 127-я «Гиммер со Шляпниковым на бегу в Таврический», 138-я «Гиммер в Таврическом. Теория или техника революции?», 145-я «Шляпников на первом заседании Совета», 160-я «Масловский в штабе восстания», 165-я «Гиммер на окончании Совета»).

Можно сказать, что пятый день первой книги венчает двойной финал – 169-я и 170-я главы. 169-я глава – Экран – «Разгром “Астории”»: торжество солдатского бунта, глава, завершающаяся фольклорной «формулой», всплеском народного чаяния: ОТВЯЖИСЬ, ХУДАЯ ЖИСЬ! ПРИВЯЖИСЬ, ХОРО-О-ШАЯ! (1, 722). 170-я глава даёт «Уход Михаила из Зимнего», «побег из-под родного крова» (1, 723) в ходе не просто солдатского бунта, но события, которое с трудом вмещается в его сознание: «...делает что-то важное, бесповоротное, чего и не охватывал ум. И – опять перевилось и сжалось сердце роковым предчувствием» (1, 727). В финале дня и книги

звучат вопросительные интонации: Автор через сознание исторического персонажа формулирует историческую ситуацию «что произошло»: «Он – разумно перекрывался? Или бежал? Или ушёл из-под крова семи поколений Романовых – последним из них? / Правнук жившего здесь императора, внук убитого здесь императора – он бежал как за всех из них, унося с собой и их? И не заметил, на каком же это пороге произошло. / На каком переступе? / Беря военный шаг, пошел последним переходом» (1, 728). Финальная глава первой книги показывает «последний переход» Михаила Александровича, брата Государя, российского императора.

Вторая книга «Марта Семнадцатого» включает три дня: «Двадцать восьмого февраля. Вторник» (67 глав), «Первое марта. Среда» (67 глав) и «Второе марта. Четверг» (49 глав)⁴, всего 183 главы, причем Вторник и Среда имеют по 67 глав, столько же, сколько было в первых четырёх днях книги первой.

«Двадцать восьмое февраля» начинается главой 171-й, содержание которой Автор раскрывает так: «Заботы Шляпникова – Спасать Горького!». Однако Горького и не надо было спасать: погрома не было – «Не пригласил войти, отпустил – и даже не спросил о новостях» (2, 12). А завершается день в развороте повествования (выделю царские главы 172-ю «Государь в вагоне перед отъездом», 199-ю, 217-ю, 229-ю, 235-ю «Поворот царских поездов в Малой Вишере») главой 237-й «Преображенский полк остановлен в Луцке», показывающей через восприятие командира полка генерал-майора Дрентельна судьбу Преображенского полка, вызванного с фронта «для подавления беспорядков» в Петербурге (2, 270), но остановленного в Луцке: «...приказ... передан Брусиловым от самого Алексеева» (2, 271). Командир полка «вызвал доверенного офицера поручика Травина и велел ему готовиться ехать с тайным письмом к Государю» (2, 272). «Однако облегчённо помнил: ведь есть же преобразенцы и в самом Петрограде, пусть и запасной батальон. Они-то! не стерпят и не останутся безучастны!» (2, 272). Автор заканчивает эту главу и день поговоркой: ЧТО И СВАРИЛИ – В ПЕЧИ ЗАСТУДИЛИ (2, 272).

67 глав второго дня второй книги продолжают повествование, представляя «Первое марта. Среда», и основной сюжет дня связывается с движением царских поездов, судьбой Государя: главы 239-я «Бубликов и Ломоносов – Задержать царя»; Документ – телеграмма Бубликова на станцию Дно; 242-я «Государь задержан?? – Охрана императрицы тает», 247-я «Царские поезда в Валдае – В Старой Руссе», 256-я «Алексеев усиливает уговоры Государя – Создалось большинство Главнокомандующих», 281-я «Русский готовится ко встрече Государя – Встреча на псковском вокзале», 285-я «Русский требует ответственного министерства – Государь в пытке», 291-я «Генерал Русский среди царской свиты – Снова у Государя – Получил ответственное министерство – Оста-

новил войска Северного фронта – И генерала Иванова», 303-я «Гучков – ехать брать отречение у царя!». А заканчивается день 304-й главой «Лейб-Бородинский полк обезоружен на станции Луга». Герой этой финальной главы – ротмистр Воронович (см. главу 254-ю: ротмистр Воронович «был рад оказаться на месте у совета» (2, 336) и «безболезненно повторил петроградскую революцию в Луге» (2, 339)), который хитростью и обманом остановил «грозный эшелон» лейб-Бородинского полка и обезоружил его: «Вот и всё. Эшелон был обезоружен. / Вот так побеждает революция! Она всегда имеет особенную хитрость против прежних установившихся правил. Воронович был горд, что это он всё сумел» (2, 556). И в самом конце финала Автор приводит поговорку: ВСЯКОМУ ВОРУ – МНОГО ПРОСТОРУ (2, 556), афористично и прямо характеризующую героев наступающего воровского времени.

Третий день второй книги «Второе марта. Четверг» включает 49 глав, которые движутся в одном направлении – «Отречение Николая Второго». Эта линия прослеживается в главах 306-й «Генерал Алексеев ждёт известий из Пскова – Среди высших генералов крепнет мысль об отречении Государя», 308-й, 309-й, 321-й «Алексеев нажимает на Главнокомандующих», 327-й, 331-й, 337-й, 346-й «Ставка нервничает в ожидании отречения», 349-й «Гучков и Шульгин в царском вагоне – Отречение Николая Второго». Завершают «повесть дня» и вторую книгу две главы: 352-я с её главным содержанием и итогом – «Манифест об отречении начинает жить» («Без двадцати минут час ночи штаб Северного фронта донёс в ставку, что Манифест о царском отречении наконец подписан. Ну, наконец-то! Разрядилось великое напряжение» (2, 776) ... «Едва был принят из Пскова безповоротный царский Манифест, Алексеев уже распорядился срочно передавать его по всем юзам одновременно на все фронты... Везде его ждали!» (2, 777)... «За трие суток – какую ж отвалили глыбу, загоревшую русский путь!» (2, 778) и 353-я, посвящённая Николаю после отречения (одна из сильнейших, пронзительных по художественному впечатлению): «И последним движением пальцев запретив за собою дверь, уже окончательно отъединяясь ото всех, ото всех людей, и оставшись с Ним одним, Николай ощутил блаженное горе расслабиться и плакать. Как подрезанный, опустился на жёсткую свою кровать, свалился на один локоть вперёд – и плакал. / И плакал» (2, 778)... «Уже куда облегчённее он стал на колени молиться» (2, 779)... «Сидел – не ложась, не раздеваясь, не ощущая глубокого ночного времени... Беспорядочно теснилось в голову разное всякое» (2, 779)... «Он пошёл на все отказы, только не внести бы рознь в страну. / Лишь спасена была бы Россия» (2, 780)... «И – опять слезами сжало горло. И выступили на глаза. / Он вспомнил о своём дневнике... “В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого” / Вот было и всё. Нельзя доверять бумаге ни своих

рыданий, ни своих молитв» (2, 782) – и последние строки: «Кругом измена и трусость... Самое то главное: "...и обман"» (2, 782). Второй фрагмент финальной главы переводит повествование в высший, примирительный, Божий план: «И только раздеваясь, вспомнил о Мише, – вот только когда, первый раз!.. Завтра послать ему телеграмму... И распустился внутри заветный поиск: родной матери... Дать завтра телеграмму и ей... Лежал. А может Чудо какое-нибудь ещё произойдёт? Бог пошлёт вызволяющее всех Чудо?.. / Постепенно отходили все жгучие мысли, пропущенные через себя, изживаемые думаньем и покорностью, и покорностью воле Божьей. / Отходили – и как-то все в мире опять уравнивалось. В этом мире, где завтра начинать снова жить» (2, 783). Но Автор вводит и свою прямую оценку, свой, трагический итог событий: ЦАРЬ И НАРОД – ВСЁ В ЗЕМЛЮ ПОЙДЁТ (2, 783).

Книга третья «Марта Семнадцатого» состоит из семи дней: от «Третьего марта. Пятница» до «Девятого марта. Четверг»⁵, т. е. одной мартовской недели со своей пульсацией повествования и вершинными, итоговыми, финальными главами дней.

День «Третье марта. Пятница» состоит из 54 глав: начинается высокой гражданской нотой – «Нельзя было не зажечься, что участвуешь в великих минутах России» (3, 9) (глава 354-я «Ломоносов и Бубликов охотятся за царским Манифестом»), передаёт события, связанные с отречением Михаила (главы 367-я, 377-я, 383-я), движением Манифестов (главы 405-я, 406-я) и завершается горьким осознанием «конца династии» генерала Гурко (глава 407-я). Василий Иосифович Гурко – командир Особой армии под Луцком, с начала ноября 1916 г. до 22 февраля 1917 г. заменял Алексея: «...у Гурко было особенно досадливое состояние: что это меж его пальцами протекло, сквозь его энергичную хватку» (3, 214)... «Один Манифест. Другой Манифест. Так надо было понять: кончилась династия? Кончилась и монархия в России... Теперь, отданная хаосу, отданная болтунам, – Россия потонет в крови. / Но – и своей упущенной возможности Гурко не видел» (3, 217)... «И вдруг выступило: вот сейчас, когда Государь свержен, унижен, покинут, – вот сейчас и протянуть ему поддержку. / Написать письмо» (3, 219)... «Никогда в жизни Гурко не писал таких неделовых писем. Но только кончая его, почувствовал, что выздоравливает» (3, 220).

В «повести» «Четвёртое марта. Суббота» – 25 глав, среди которых узловыми выступают начальная 408-я глава «Вице-адмирал Непенин открыто признал власть Временного правительства», 418-я – Экран «Убийство Непенина», 425-я: «Дневная встреча Николая с Мама», его слова Алексею «Я – перерешил» (3, 281), ответ: «Это – никак невозможно, Ваше Величество» (3, 282), авторское резюме: ЗА ЦАРСКОЕ СОГРЕ-

ШЕНИЕ БОГ ВСЮ ЗЕМЛЮ КАЗНИТ (3, 283) и финальная 432-я глава «Первые решения Временного правительства», которые оказываются и «не принципиальные», и «не крупные»: «Князь Львов если и испытывал некоторую неловкость на новом месте, то утешал себя, что всякая деятельность в конце концов всегда удавалась ему. Постепенно удастся и эта. Постепенно одержит верх и благоразумие политических деятелей, и глубокая мудрость русского народа, божественное начало, живущее в его душе» (3, 316). Приговор пустопорожней говорильне Временного правительства приводится в финальной народной поговорке/приговорке: – АКУЛЯ, ЧТО ШЬЁШЬ НЕ ОТТУЛЯ? / – А Я, МАЧКА, ЕЩЁ ПОРОТЬ БУДУ (3, 316).

Третий день третьей книги «Пятое марта. Воскресенье» сжимается до 21 главы. Он начинается главой 433-я (Изложение революционных событий по газетам) и продолжается солдатской, Арсеньевской главой 435-й («Непонятно. Как это – без царя... При войне – да как же без царя? ... Все неохватно: откуда навалилось? Что оно такое? / Без головы в дому. / НЕДОЛГО ТОЙ ЗЕМЛЕ СТОЯТЬ, ГДЕ НАЧНУТ УСТАВЫ ЛОМАТЬ (3, 328)), далее вершинно идут 441-я глава (Заседание Исполнительного Комитета) («А чудовище всё росло! Какой напор улицы» (3, 348, 349). ПРИНЯЛИСЬ ГУЛЯТЬ – ТАК НЕ ДНИ СЧИТАТЬ (3, 353)), 446-я (Провинция по тогдашним газетам. Фрагменты) и ленинская, 449-я глава (Ленин пишет реферат об уроках Парижской Коммуны): «Если понадобится, то мы не испугаемся повесить на столбах восемьсот буржуев и помещиков» (3, 391). А завершается мартовское Воскресенье главой 453-й – «Экран: Красный Крест»: «Да он медленно кружится вокруг своего центра = Заведённый не своей силой – он / кружится – и всё быстрее. / = Уже так быстро, что не успеваем за его положениями... Рябит – и сливается! – / в красное колесо» (3, 409).

В дне «Шестое марта. Понедельник» 24 главы. Первая глава 454-я (по свободным газетам, 5–7 марта) завершается авторским/народным предостережением КРАСНОМУ УТРУ НЕ ВЕРЬ (3, 413), а финальная 477-я глава, показывающая вечерний аппаратный «дёргающийся» разговор Алексея с Петроградом, который заканчивался предложением: «Общее желание, – кончал Львов, – чтобы Верховное Главнокомандование приняли Вы – и тем бы отрезать характерных волнений» (3, 516), итожится характерным случаем с графом Фредериксом: «...сообщение из Гомеля, что граф, бедняга, арестован». – «И пришлось ещё этой ночью давать князю Львову новую телеграмму, чтобы не держали несчастного Фредерикса под арестом» (3, 520).

День «Седьмое марта. Вторник», продолжая финал предыдущего дня (глава 477-я), начинается Алексеевской главой (478-я): «Даже не любя, даже не хотя, Алексеев должен был теперь служить

этому правительству верой и правдой» (3, 525), и заканчивается же Алексеевской 497-й главой, показывающей и «чувство стеснения пред бывшим Государем» (3, 595), и «скрытое предательство» Алексеева: «...так как отъезд бывшего царя из Ставки будет носить характер ареста, то благодарнее – скрыть до самого последнего момента» (3, 597, 598)... «О, скорей бы его увозили. Как устал Алексеев от этой двойственности, от этих сокрытий... / Алексеев запер дверь, зажжёт лампаду и на коленях долго молился. / Прося Господа простить» (3, 598–599).

Следующий, предпоследний день третьей книги «Восьмое марта. Среда» состоит из 19 глав. Он начинается главой 498-й «Воротынцев читает прощальный приказ Государя в штабе Девятой армии («растерялись все. Вся Императорская Армия. И Ставка. Сам Царь. И брат его. И вся Россия» (3, 600)) и приказывает дежурному «рассылку этого приказа остановить!» (3, 604), а заканчивается главой 516-й «Арест царя глазами Алексеева» – с печальным итогом: «Возвращался в штаб в смутном состоянии, обиженным, униженным. Использованным» (3, 681)... «Сообразил: обманули... / Использовали. Надо – спешить как-то оправдаться. Как-то выразить свою лояльность. Вот – поскорей принять Ставку новую присягу» (3, 685).

Последний день третьей книги – «Девятое марта. Четверг» – включает 15 глав: 517-я глава даёт обзор «по свободным газетам, 8–9 марта»: «Приказ об аресте Николая II. Арест Александры Федоровны. Арест Николая II. Дороже всех плачу за драгоценные камни, золото» (3, 686–691), финальная 531-я глава венчает и день, и третью книгу «Марта Семнадцатого». Это глава предьявления арестованного Государя комиссару Совета рабочих депутатов Масловскому: «Государь должен появиться перед каким-то пришельцем, комиссаром Совета рабочих депутатов... Очевидно приходилось уступить. Александра пошла приготовить Ники» (3, 754)... «Потом пошел – совершенно как в забытии, как во сне, как сам не присутствуя и не участвуя... Медленно бесцельно шёл... А комиссар не пошевелился и папаху не снял» (3, 755)... «но Государь – не сумел пройти, не замечая напряженной сбоку группы... И перед этим ярким явлением злобы Государь остановился, очнулся – почувствовал. На его измученно опухшем лице проявился смысл – и изнемога... Кивнул и – пошел, неустойчивым шагом, – но далеко не вперёд, как направлялся, а – назад, откуда пришёл» (3, 756).

Четвёртая книга «Марта Семнадцатого» состоит из девяти дней: «Десятое марта. Пятница» – «Восемнадцатое марта. Суббота»⁶.

День «Десятое марта» начинается главой 532-й со сна Варсонофьева («астральная телеграмма» – 4, 9), а завершается 545-й главой – встречей Ярика с Ксеньей, её танцами перед «своим зрителем», их прогулкой по Москве («На

их глазах молодой зеркальный месяц зашёл за Храмом Христа... москворецкая цельность... вот-вот готовая *пойти*. / И Ксенья вот также была готова – пойти. Он вёл её крепко под руку» – 4, 73) и возвращением Ксеньи домой: «Возвратилась домой возбужденная, счастливая, наполненная, долго не могла заснуть. / Как это так вдруг переменялось» (4, 74). Всего 14 глав.

В «повести» «Одиннадцатое марта. Суббота» – 18 глав, она начинается обзорной главой 546 (Февральская мифология) – итоговая поговорка: СУПРОТИВ ПЕЧАТНОГО НЕ СОВРЁШЬ (4, 80), а заканчивается небольшой 563-й главкой: Ликоня, влюблённая, переживает своё счастье: «И так трудно каждый раз расстаться, невозможно уйти. Пришла домой – и тут же хочется опять к нему. И странно: а вдруг всё гинет?» (4, 161). Автор в конце приводит народную, песенную историю: «Познала девка хмелинку. / Полюбил барский детинка, / С низу низовой купец» (4, 161).

Воскресный день «Двенадцатое марта» (главы 564–578: 15 глав) заканчивается историей отца Северьяна (мелкий шрифт – 4, 230–236) и церковной реформы, проблемы и вопросы которой волнуют Автора вместе с героем: «В новых условиях – что будет с церковной реформой?» (4, 231)... «Если мы ещё усилим наши церковные болезни? – Да в этом общем урагане по стране ещё увеличим наши заблуждения? – то к чему придём? Какая еще новая расплата будет нам за то?» (4, 238).

В начале следующего дня «Тринадцатое марта. Понедельник» Автор фиксирует (вместе с Ковынёвым): «В Петрограде наступила оттепель, чуть ли не первая за всю зиму» (4, 249), а финальная 591-я глава продолжает/продвигает любовную историю Ликони: «Стал говорить ей: Ты. Сколько близости в этом слове! Голова кружится... Он полюбил, как она читает ему стихи... Ты знаешь, я люблю горячими руками / касаться золота, когда оно моё... А только: пить – не напиться, быть – не набить. / А... если у меня будет? / Ответ: у нас» (4, 302).

Финал «Четырнадцатое марта. Вторник» (всего 13 глав) – Ленинский (604-я глава): «С того вечера 6 марта, как налетела на Цюрих буря, ... Ленин не сам решал, но за него решалось» (4, 364)... «И от вторника 7-го до воскресенья 12-го вырвались четыре таких “Письма из далека” (4, 365)... «Скларц приехал со всеми полномочиями от Генерального штаба на проезд через Германию» (4, 368)... «Всё знал, всё сам предусмотрел гениальный Парвус. Но – вовремя разгадал Ленин ловушку!» (4, 370)... «Вот – предложенный Ромбергом вагон. Вагон. Надо проговорить его словами, надо помочь этому вагону, как цыплёнку, вылупиться в общественное сознание» (4, 371).

День «Пятнадцатое марта. Среда», как и предыдущий, состоит из 13 глав и завершается главой 617-й «Младотурки на ночном приёме у Керенского»: «Поздно вечером, уже Тавриче-

ский опустел, Ободовский усадил в автомобиль четырёх полковников – Половцова, Якубовича, Туманова, Энгельгардта – и повёз их в министерство юстиции на Екатерининскую» (4, 446). Керенский «был в бодрости пафотической, сильно повышенной, не рядовой» (4, 447). Обсуждались «главные вопросы»: «годится ли Алексеев в Верховные Главнокомандующие?» (4, 448) и «может ли Александр Иванович Гучков с успехом совмещать должности военного и морского министра?» (4, 449). «Попали в точку» ответы Половцова – «Встреча была выиграна! – Половцов замечен, запомнен», а дальнейшая «лёгкая беседа» закончилась «лёгкими» словами Керенского: «Вот, думаю, господа, на днях съездить посмотреть и самого царя» (4, 450).

И вот пошли последние три дня четвёртой книги «Марта Семнадцатого». «Шестнадцатое марта. Четверг» (всего 13 глав) заканчивается 630-й главой «Воротынцев у генерала Лечицкого». «Для Воротынцева Лечицкий был генерал в высшем понимании – столько подлинного опыта скопилось в нём» (4, 502). А Лечицкий отказался «принять Западный фронт» – «отказался категорически» (4, 503): «Армия – погибает. И руководить событиями – уже нельзя... Ошибкой было бы думать, что с революцией можно повести игру и её перехитрить» (4, 506). На «горячий всплеск» Воротынцева: «Что же будет с Россией? Россия же! – не может погибнуть», Лечицкий разумчиво отвечает: «Может быть... Может быть, и не сумеем мы... Передать потомкам Россию, унаследованную от отцов». В конце главы Воротынцев посылает «личную телеграмму Свечину: возьми в Ставку теперь же на любую должность» (4, 506).

«Семнадцатое марта. Пятница» – самый «маленький» день четвёртой книги – всего 9 глав. Он начинается гимном Новой Женщине, Александре, Сашеньке Коллонтай – конфуз в конце (глава 631-я), а завершается главой 639-й «Государь в заключении», показывающей «внутреннее спокойствие» Николая Александровича и несбыточность его надежд на изгнание: «Господи Всевышний! Мы ещё смеем скорбеть, мы ещё смеем жаловаться. Да оставь нам живыми наших детей!» (4, 554)... «он оттого был внутренне спокоен, что твёрдо верил: и судьба России, и судьба его семьи находится в руках Господа» (4, 558). Расчищая снег (вместе с Долгоруковым), «Николай наслаждался этими днями... Ничего в мире больше не видишь, кроме этого, Богом созданного, бело-сверкающего моря» (4, 559). Но в море жизни Государь ошибается, он думает, что «Георг – и родственник, и верный <...> Однако, странно, что так и не написал, не отозвался» (4, 557). Автор приводит в конце главы Документ-30 – отрывок из письма личного секретаря Георга V Стамфорда министру иностранных дел Бальфуру: «Его величество не может не испытывать сомнений... желательно ли, чтобы императорская семья поселилась в этой стране» (4, 559).

«Восемнадцатое марта. Суббота» (16 глав) – последний день «отмеренного срока» «Марта Семнадцатого». День начинается снами Варсонофьева: в первом предстаёт «мальчик с дивно светящимся лицом», во втором – «обряд запечатления церкви» (4, 560, 562); сны, играющие генеральную роль в раскрытии образа Времени, Божьих сроков и Авторской концепции «Красного Колеса»: «Так – ещё кому же он мог передавать и сны?... И не видели, что ликование – только одежды великого Горя, и так и приличествует ему входить» (4, 563). И далее идут принципиально-определяющие, поворотные главы дня: 644-я (Воротынцева зовут на повышение – Или в Ставку – Выбор), 648-я (Гордей Пильщиков – Дух русского купечества – С Ликоней в Питере: см. два Ликониных финала дней), 655-я – «ходы Ленина» (составная часть финала и дня Восемнадцатого марта, и четвёртой книги, и всего «Марта Восемнадцатого» – третьего Узла исторического «повествования» А. И. Солженицына).

«Ходы Ленина» выводят его на «вагонную» прямую: в конце главы «Радек крутился как юноша, лёгкий, удачливый. – В общем так, Владимир Ильич: через шесть месяцев или будем министрами – или будем висеть» (4, 649). И Автор приводит последний 32-й документ книги: «20 марта. Копенгаген. Германский посол в Дании граф Брокдорф-Рантцау – в М.И.Д. Совершенно секретно. “Мы должны теперь непременно стараться создавать в России наибольший хаос... По всем прогнозам можно рассчитывать, что месяца за три распад продвинется достаточно, чтобы нашим военным вмешательством гарантировать крушение русской мощи”» (4, 650).

Финальная, 655-я глава последнего дня «Восемнадцатое марта. Суббота» – по спирали – показывает «новые порядки» в Волынском батальоне, а Кирпичников с Марковым гуляют по Питеру: «Правду говорят: город затейный, что ни шаг, то питейный» (4, 653)... «Но сейчас Питер малость пооблез». Друзья-«затейники» (Февральской революции) идут по городским улицам, вспоминают, думают: «А не решишь они тогда с Марковым – и не было б ничего нигде?» (4, 653)... «А как выбрели на Невский у Знаменской площади (откуда всё началось) – у-у-у-оо! прямизна и светлизна, матушки мои!» (4, 653). Автор «читает» (вместе с героями) вывески кинематографов и театров: «Наша соержанка», «Цветок зла», «Казнь женщины», «театр Суворина – “Мотылёк под колесом”» (4, 654). Деталь, которая точно раскрывает содержание «Марта Семнадцатого». Да и конец финальной главы – многомерный, объёмный, профетический: «А в деревне, пишут, – ни керосина, ни мыла, ни гвоздей, ни соли./ – И как это мы, Тимофей, решились? Как это нас понесло в то утро? / Самим дивно. / Давно бы в петле жизнь кончили» (4, 655).

Таким образом, финалы занимают важные, значительные – конечные, завершающие

и разрешающие, итоговые – места в структуре «Марта Семнадцатого» А. И. Солженицына, проявляются/действуют на разных композиционных уровнях повествования: финалы глав, финалы дней, финалы книг, финал Узла, и вместе с тем складываются в целостную систему, способствующую большему пониманию авторской художественно-исторической концепции Февральской революции. В движении повествования отчётливо выступают многомерные смыслы финалов: личностно-психологические, временные-исторические, композиционно-структурные, концептуально-авторские. Многообразны и повествовательные формы финалов: активно используются в финальных главах пословицы и поговорки, фольклорные жанры, исторические документы, «экраны», углубляющие авторскую оценку действующих лиц и событий. Велика роль в структуре III Узла и двойных финалов: финалы книги 1-й «27 февраля. Понедельник» – 169-я, 170-я главы, и книги 4-й «18 марта. Суббота» – 654-я, 655-я главы (финал «Марта Семнадцатого»).

Примечания

- ¹ Тюпа В. И. Финал // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. С. 982.
- ² См.: Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 11. Красное Колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел III. Март Семнадцатого 23 февраля – 18 марта. Кн. 1. М., 2008. Далее ссылки на это издание в тексте приводятся с указанием книги и страниц в скобках.
- ³ Подробнее см.: Ванюков А. «Март Семнадцатого» А. Солженицына : пословицы и поговорки в структуре Третьего Узла «Красного Колеса» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 68–72.
- ⁴ См.: Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 12. Красное Колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел III. Март Семнадцатого 23 февраля – 18 марта. Кн. 2. М., 2008.
- ⁵ См.: Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 13. Красное Колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел III. Март Семнадцатого 23 февраля – 18 марта. Кн. 3. М., 2008.
- ⁶ См.: Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 14. Красное Колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел III. Март Семнадцатого 23 февраля – 18 марта. Кн. 4. М., 2008.

Образец для цитирования:

Ванюков А. И. Финалы в структуре «Марта Семнадцатого» А. И. Солженицына // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 222–228. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-222-228>

Cite this article as:

Vanyukov A. I. Final Scenes in the Structure of *March 1917* by A. I. Solzhenitsyn. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 222–228 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-222-228>